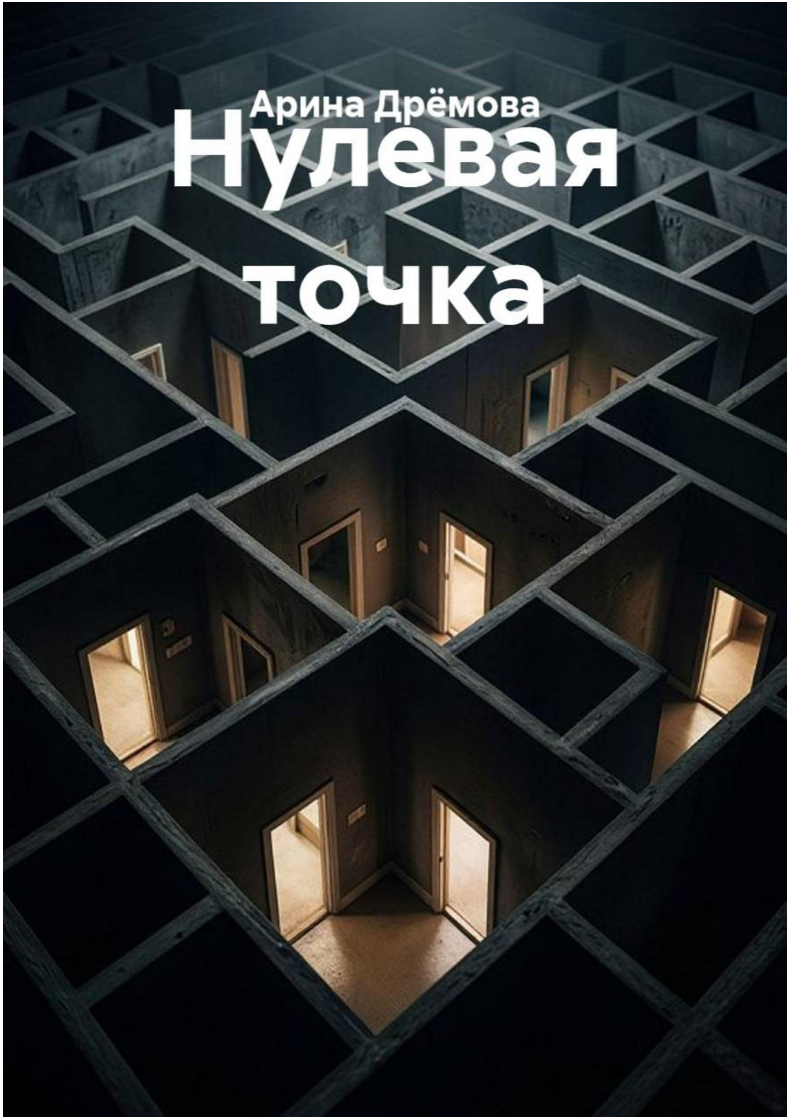

Арина Дрёмова
Нулевая точка

Арина Дрёмова

Нулевая точка

https://litres.ru/74651688
SelfPub; 2026

Аннотация

В картографии есть практика: составители карт иногда наносят несуществующие улицы или ложные городки, чтобы защитить авторские права от копирования. Но порой что-то идет не так и люди могут случайно попасть в место, которого нет. Это сюрреалистичное, застывшее пространство, где дома имеют правильную форму только снаружи, а внутри представляют собой бессмысленный лабиринт из комнат, тупиков и пустот. Смогут ли герои вырваться из плена улиц до того, как локация успеет переписать их память и физиологию, превращая в своих постоянных жителей?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Арина Дрёмова
Нулевая точка

Глава 1

К шести за окном уже стояла полная темень. Так теперь всегда, с тех пор как наши мудрецы придумали время сдвинуть: вечер начинается сразу после обеда, и к этому невозможно привыкнуть, сколько ни живи. Зато кухня у Иры в такие часы становится маленьким тёплым островом. Жёлтая лампа над столом, чайник, который так и не дошёл до кипения, потому что мы несколько раз доливали в него воды, миска с мелкими яблоками из сада её родителей и ещё тёплое печенье. На соседнем стуле, занимая его целиком, лежал мейн-кун Бублик, огромный, как маленькая рысь, и смотрел на меня с таким спокойным презрением, что мне хотелось извиниться. Его брат Тихон где-то в глубине квартиры только что уронил что-то и не признался.

Печенье Ира испекла сама, овсяное, с орехами, чуть подгоревшее по краям, потому что она всегда забывает про таймер. Я съела четыре, пока рассказывала про работу. То есть про то, что рассказывать там уже нечего: третий месяц всё идёт наперекосяк, и каждый раз, когда я думаю, что хуже некуда, находится куда.

— Ты не обязана это терпеть, — сказала Ира.

— Я знаю, — ответила я, и мы обе поняли, что это не ответ.

Телефон завибрировал на столе, экран осветил блюдце с крошками.

МЧС настоятельно советовало воздержаться от поездок в связи с ожидаемым сильным туманом в вечернее и ночное время.

— Видимость на трассах может снизиться до 20 метров, пишут. Разобьётесь — сами виноваты, — пошутила я.

— Ну вот, — сказала Ира, заглянув через плечо. — Оставайся. Диван расстелю.

Я посмотрела в окно. Двор пока был обычным: фонарь, мокрые качели, машина под деревом. Ни намёка на туман. Именно это почему-то раздражало: сообщение пришло раньше, чем что-то случилось, будто кто-то заранее объявил ЧП, которого ещё нет. И неизвестно, будет ли. Наше МЧС любит слать СМСки.

— Мне завтра рано на работу, — сказала я. — Доеду до того, как он начнётся.

Ира кивнула и подлила мне чаю, а Бублик перебрался с соседнего стула ко мне на колени. Я погрела пальцы о чашку и вдруг поняла, что давно не сидела так: без телефона в руке, без мыслей о завтрашнем дне.

— Помнишь, как мы в общаге варили суп в одной кастрюле на двоих? — сказала Ира. — Ты ещё говорила, что это

единственная посуда, которая нас не бросит.

— А она всё-таки бросила! Ручка отвалилась на втором, вроде, курсе.

— Пффф, отвалилась, как же! Не отвалилась она, это ты её отломала, когда пыталась открыть ею вино!

Мы засмеялись, и я поймала себя на том, что смеюсь так только с ней: беззвучно, согнувшись, с заминкой на вдохе. Пятнадцать лет. Столько, что мы давно перестали считать, кто кому что должен. Она тащила меня на экзамены, когда я не могла встать с кровати, а я на её свадьбе держала ей волосы, когда её тошнило от нервов, а потом мы обе прятались в кладовке ДК, в столовой которого устроили банкет (Иркина тётушка подсуетилась и через каких-то знакомых договорилась подешевле. А в итоге кто-то утащил всю колбасу), от друзей жениха, решивших во что бы то ни стало украсть туфлю невесты. После этого у нас не бывает «давай созвонимся на неделе», бывает просто «приезжай» и «ну чего, как ты там». У меня есть ключи от её квартиры, а у неё от моей, я приезжаю кормить котов, когда они с Димкой едут в отпуск, а они, в свою очередь, поливают мой кактус.

— Ты ведь мне позвонишь, когда доедешь, — сказала Ира. Это был не вопрос.

— Позвоню.

— И про работу всё-таки расскажешь нормально. Не сегодня, но расскажешь.

— Расскажу, — сказала я и почти поверила.

В коридоре щёлкнул замок. Тихон вылетел из глубины квартиры, как будто ничего и не ронял, а Бублик на моих коленях демонстративно отвернулся.

— Девчонки, вы ещё здесь? — сначала в прихожей появился голос Димы, Ириного мужа, а потом и он сам, мокрый от мороси, с пакетом из магазина. — Вы в окно смотрели? Там такое начинается! Я еле доехал: у съезда на объездную уже стена, фонари тонут.

Я посмотрела на часы на плите. Пятнадцать минут до семи. Пятнадцать минут, которые я как-то умудрилась не заметить. Полчаса ехать, если по объездной, и ещё останется время посмотреть пару серий нового сериала про маленький американский городишко и его тайны.

— Всё, мне пора, — сказала я, и это прозвучало будто чужим голосом. Бублик возмущённо сполз на пол.

— Слушай, оставайся, правда… — начала Ира.

— Нееее, я быстро. Позвоню!

Я схватила куртку, сунула ноги в ботинки, не завязывая, и вылетела на лестницу. Подъезд пах сыростью и чьим-то ужином. Дверь на улицу хлопнула за спиной, и двор уже был другим: фонарь над качелями терял очертания, превращаясь в мутное пятно, а воздух стал густым, влажным, почти осязаемым. Я бежала к машине, ключи в кармане звенели в такт шагам, а за спиной тот самый туман, о котором предупреждали, закрывал двор плотной, молчаливой стеной.

Мышка стояла там, где я её оставила — под мокрым клё-

ном, на капоте налипли жёлтые листья. Я рухнула на водительское сиденье, захлопнула дверь, и мир сразу стал тише, как будто кто-то прикрутил громкость.

— Ну, девочка, давай, — сказала я и погладила руль. — Только не капризничай.

Машина покашляла, подумала и завелась с третьей попытки. Не новая, с вмятиной на заднем бампере, с кассетной магнитолой, которую я так и не заменила, но бодрая: каждый раз, когда я думала, что она вот-вот сдаст, она находила в себе силы. Кредит за неё мне оставалось платить ещё полтора года, и мысль об этом сейчас, при всех делах на работе, была неприятной, как холодный сквозняк в спину. Но я любила её. Честно. Она единственная в моей жизни не требовала от меня никаких достижений, не вздыхала многозначительно и не закатывала глаза, спрашивая о личной жизни.

Дворники смахнули с лобового стекла листья, и я выехала со двора, пока Ира с Димой, наверное, махали мне с балкона. Я не оглянулась. На улице туман лежал, как вата, и фары вязли в нём метров на пятнадцать. Светофоры горели красными пятнами без контуров, чужие габариты возникали из ничего и тут же исчезали, и я поймала себя на том, что веду, вцепившись в руль обеими руками и почти не дыша.

На объездной стало легче, как ни странно. Фонарей там почти нет, зато есть разметка, и если держаться за неё взглядом, то можно ехать ровно, почти спокойно. Навстречу время от времени выплывали фары: сначала мутное светлое

пятно, потом два жёлтых глаза, и машина проносилась мимо, оставляя за собой рваный след в тумане. Каждый раз я невольно выдыхала. Пока они есть, значит, всё в порядке, значит, я не одна на этой дороге.

Я включила радио. Какая-то незнакомая певица взвыла, и я, поморщившись, сделала потише, чтобы не заглушала шум двигателя: слушать мотор было спокойнее. Синяя точка на навигаторе ползла по линии строго туда, куда надо. Тридцать километров, потом поворот, потом ещё десять минут по городу, и я дома. Горячий душ, одеяло, и завтра, как и сегодня, всё это снова окажется неважным.

— Умница, — сказала я Мышке. — Ещё немного.

Мышка тихо тарахтела в ответ, и мы ехали сквозь белое молчание.

Глава 2

Поворот я ждала по привычке, как ждёшь последнюю ступеньку в темноте: тело знает, где она, и даже на мгновение не сомневается. После бетонной остановки с облупленной синей крышей дорога делает плавный поворот вправо, потом идёт под горку, и сразу за ней указатель на посёлок, а за ним съезд. Я ездила здесь сотни раз. С закрытыми глазами могла бы рассказать каждый столб.

Остановки не было. Не было ни изгиба, ни горки. Дорога просто шла прямо, ровная и бесконечная, а я смотрела на спидометр и считала километры, пока цифры не стали казаться чужими.

— Проехала, — сказала я вслух. — Конечно, проехала. В таком тумане что угодно можно проехать.

Но тело не соглашалось. Остановку с синей крышей невозможно не заметить даже в этой белой вате: она стоит у самой обочины, фары вырывают её из темноты за десять метров. Я бы увидела. Я бы обязательно увидела.

Я включила аварийку и остановилась на обочине. Мотор Мышки глухо тарахтел, дворники скребли по стеклу туда-сюда, и в этом ритме было что-то успокаивающее и одновременно тревожное. Тишина оказалась плотной, как вата в ушах. Так, стоп! Радио. Когда я успела выключить радио? Кажется, мне срочно нужно отдохнуть, что-то я совсем рас-

клеиваюсь.

Я посмотрела в зеркало заднего вида: белая стена, подсвеченная красным. Развернуться? Дорога узкая, видимости никакой, в такой туман разворот на трассе — это глупость. Позвонить Ире? Мне почему-то не хотелось, чтобы она услышала в моём голосе, как мне не по себе. Она сразу скажет «возвращайся», а возвращаться не хотелось почти так же, как ехать дальше.

— Ты просто устала, — сказала я себе. — Она дальше. Туман растягивает расстояния, вот и всё.

Это было разумное объяснение. Люди в тумане постоянно путают расстояния, об этом пишут в книжках про водителей. Через пару километров будет остановка, потом горка, и я рассмеюсь сама над собой.

Я выключила аварийку, включила передачу и поехала дальше. Прямо.

Прошло десять минут. Или пятнадцать. Я перестала следить за часами, потому что цифры на панели ничего не объясняли, а пейзаж за окном и не думал меняться — как ехала в молоке, так и ехала. Остановки с синей крышей не было. Горки не было. Не было ничего, кроме дороги и белой стены с обеих сторон.

Я поймала себя на том, что давно не вижу фар. Те жёлтые глаза, которые раньше выплывали из тумана каждую минуту и пролетали мимо, исчезли, и я не могла вспомнить, когда именно. Не было ни встречных, ни попутных, ни хотя бы да-

лёкого красного огонька впереди, на который можно ориентироваться. Мы с Мышкой ехали одни в молочном коридоре, и шум мотора звучал так, как звучит в пустой комнате.

— Ничего, — сказала я, и мой голос тоже прозвучал глухо. — Сейчас развернёмся и поедем обратно к Ире.

Эта мысль появилась сама, и я вдруг почувствовала облегчение. Да, неудобно, да, придётся объясняться, зато диван, Бублик, чай. Оставалось найти, где развернуться.

И тут справа в тумане проступил указатель.

Сначала просто тёмный силуэт, потом большой сине-белый щит на тонких опорах, какие ставят перед съездами на развязки. Я сбросила скорость. Надпись на щите расплывалась, буквы казались то слишком близкими друг к другу, то слишком далёкими, и прочитать название я не могла. Зато за ним в тумане уходила вправо и вниз плавная дуга съезда: гладкая, чистая, без единой трещины, будто её только что положили.

Я бросила взгляд на навигатор. Синяя точка стояла на прямой линии, а справа от неё, где должен был быть съезд, не было ничего. Серая пустота.

Я остановилась напротив щита, не заглушая мотор, и опустила стекло. Туман тут же втянулся в салон, влажный и холодный, с едва уловимым запахом мокрого бетона. Я прищурилась.

Буквы были знакомые. Я различала и «К», и «О», и что-то похожее на «Р», но, сколько бы ни пыталась сложить их

в слово, получалась каша: набор знаков, которые выглядели как название, но ничего не значили. Как будто кто-то набрал текст на клавиатуре, не глядя. Я моргнула, перевела взгляд на дорогу и снова на щит. Слово не поменялось и не прояснилось.

— Усталость, — сказала я. — Ты просто устала. И, кажется, дорогая, ты решила в довершение ко всему ещё и грипп схватить! Вот уж не было забот.

Навигатор по-прежнему показывал прямую и точку на ней. Я постучала пальцем по экрану, как стучат по барометру. Ничего. В тумане такое случается: спутники теряются, карта отстаёт, а потом, через пару минут, всё само встаёт на место. Мне об этом рассказывал кто-то из коллег, и в моей голове это звучало вполне убедительно.

К тому же трасса прямо тянулась дальше в никуда, а съезд был вот он: гладкий, чистый, словно его только что вымыли. На нём не лежало ни листа, ни песка, ни мокрых следов от шин. После получаса слепого пути хотелось на что-нибудь опереться.

— Ладно, — сказала я Мышке. — Посмотрим, куда он нас выведет. Если что, развернёмся там.

Я включила поворотник. Он щёлкнул в тишине слишком громко, и я невольно усмехнулась: кому сигналю, спрашивается? Потом повернула руль.

Колёса мягко съехали на дорогу. Асфальт был идеально ровным, без единой выбоины, без трещин, и Мышка, кото-

рая обычно подрагивала на любой неровности, вдруг поехала так тихо, что я услышала собственное дыхание. Съезд полого уходил вниз, обрамлённый с обеих сторон низкими бетонными бортиками, на которых не было ни надписей, ни граффити, ни даже грязи. Разметки тоже не было. Просто серая лента, уходящая в белое море.

Я проехала метров двести, и туман начал редеть, как будто его разрезали ножом. Сначала он отступил по краям, потом опустился ниже капота, потом отполз ещё немного и, наконец, впереди проступил фонарь: единственный, на тонкой серой опоре, с жёлтым ровным светом, который не дрожал и не мигал. Под ним лежал ровный круг асфальта, и в этом кругу не было ни одной тени, кроме моей.

Я проехала под фонарём, и ничего не случилось. Он просто остался позади, а следующий уже ждал впереди, такой же серый, на такой же тонкой опоре, с таким же ровным жёлтым светом. Они стояли через равные промежутки, как ряд зубов. Я поймала себя на том, что считаю их.

Потом по обеим сторонам появились заборы. Низкие, аккуратные, покрашенные в один и тот же серо-зеленый цвет. За ними лежали палисадники с подстриженной травой, и трава была слишком ровной: ни одной проплешины, ни одного жёлтого листа, а ведь на улице осень, ведь у Иры во дворе всё было усыпано. Я сбросила скорость почти до шага.

— Так, — сказала я. — Понятно. Это Фёдоровка!

Я знала это место, но только по названию. Раньше это был

крупный и процветающий посёлок городского типа. В советские годы жизнь здесь кипела: работал элеватор, открылись большая поликлиника, детский сад, а из города сюда каждые полчаса ходил прямой рейсовый автобус. В девяностые с развалом производства всё рухнуло. Элеватор закрылся, работы не стало, и люди массово бросали дома и уезжали. Посёлок превратился в полупустую тень самого себя.

Однако не так давно в новостях писали, что правительство решило вложить сюда деньги и реализовать социальную программу — застроить территорию домами для малоимущих.

Только это было километров за пятьдесят от моего съезда. Пятьдесят. Я посмотрела на панель, потом на дорогу. Как можно было проехать столько и не заметить? Я представила, сколько ехала: минут сорок, может, больше. В таком тумане время растягивается, а я вела в полусне, на автопилоте. Другого объяснения не находилось.

По обе стороны дороги тянулись одинаковые одноэтажные дома из светлого кирпича — типовые дуплексы на двух хозяев, с одинаковыми четырёхскатными крышами. Перед каждым стоял аккуратный забор из серо-зеленого металлопрофиля. Всё было выстроено строго по линейке, с той скупой казённой симметрией, которая всегда выдаёт бюджетную застройку. В окнах горел свет: тёплый, жёлтый, в каждом окне. Занавески одинаковые, молочно-белые, везде задёрнуты ровно до середины. Не было видно ни одной припаркованной машины, ни одного велосипеда у крыльца, ни

следа чьего-либо присутствия, ни цветка на подоконнике, ни игрушки, ни силуэта. Ну да, подумала я, дома достроены, но жильцов, наверное, ещё нет: очередь-то распределяют не быстро. А свет, видимо, оставили охранники, чтобы не лезли воры. Хотя какие воры, степь кругом...

Свернув на первом перекрёстке, чтобы найти хоть какую-то вывеску или человека, я проехала сотню метров и снова увидела те же кирпичные стены, те же серые заборы и тот же свет в окнах. Свернула ещё раз, надеясь выехать к центру или обратно к въезду.

Но улица не кончалась. Перед фарами снова разворачивался точно такой же глухой, безупречно аккуратный и абсолютно пустой ряд одинаковых домов, в которых не было ни единой живой души.

Я немного опустила стекло и прислушалась. Тишина. Не деревенская, с лаем собак и далёким гулом трактора, а ровная, словно кто-то выключил звук. Только Мышка тарахтела под капотом, и это бурчание казалось единственным звуком в мире.

Я свернула ещё раз, и, о чудо, справа появился магазин: одноэтажное здание с широкой витриной и вывеской. Я прочитала: «ПРОДОКТЫ». Мотнула головой. «Продокты, божечки-кошечки, ты совсем свихнулась, какие продокты? Конечно, «продукты»!» В таком тумане не только буквы поплывут». Я ещё раз мотнула головой и даже усмехнулась: вот до чего дошла, читаю то, чего нет. Витрина была пуста, чистая,

будто её ещё не успели заполнить. Всё сходилось: новый посёлок, никто не заселился, магазин не открыт.

На перекрёстке я остановилась. Налево, направо, прямо: везде одно и то же, ряды домов и фонарей. Мне нужно было найти кого-нибудь, кто объяснит, как отсюда выбраться на трассу, или хотя бы место, где можно развернуться.

Я свернула налево, потому что налево всегда проще. Улица была такая же, как предыдущая: заборы, подстриженные палисадники, фонари через равные промежутки. Я искала карман, площадку, любое место, где можно развернуться в три приёма, но везде стояли одни и те же заборы и одни и те же ровные ряды домов. Для разворота нужна была не улица, а пустота, а пустоты здесь не было.

Они появились, когда я уже почти перестала ждать.

Остановка стояла на углу, с прозрачным навесом и скамейкой, и под навесом, прямо в круге света от фонаря, стояли женщина и девочка лет семи. Женщина в светлом пальто, с аккуратно уложенными волосами, девочка в красной шапке с помпоном, держала её за руку. Я так обрадовалась, что едва не нажала на сигнал.

— Живые, — выдохнула я. — Слава богу.

Я подъехала почти вплотную, опустила стекло и высунулась наружу.

— Здравствуйте! Простите, пожалуйста, вы не подскажете, как отсюда выехать на трассу? Я сбилась из-за тумана.

Женщина повернула ко мне лицо и улыбнулась.

Это была хорошая улыбка. Тёплая, располагающая, такая, какими улыбаются случайным прохожим. Девочка тоже улыбнулась, повторив улыбку матери почти точно. Они стояли и смотрели на меня.

— Здравствуйте? — повторила я. — Вы меня слышите?

Никакого ответа. Женщина продолжала улыбаться, и ни одна мышца на её лице не дрогнула. Я вдруг заметила, что она не моргает. Или моргает так редко, что я этого не ловлю. Помпон на шапке девочки висел абсолютно неподвижно, хотя тянуло сквозняком, я чувствовала его на своей щеке. А ещё над ними не было пара. Холод стоял такой, что у меня самой изо рта вылетали белые облачка, а у них нет. Ни дыхания, ни тени облака.

Я подумала: может, они не русскоговорящие. Может, глухие. Может, просто напуганы незнакомой машиной в такой поздний час. Подумала это быстро, одним куском, как отгоняют муху.

— Ладно, — сказала я громче. — Извините. Не буду вас беспокоить.

Они не пошевелились. Я подняла стекло и поехала дальше, медленно, глядя в зеркало заднего вида. Женщина с девочкой стояли под фонарём всё так же, лицом к дороге, где только что была моя машина, улыбающиеся и неподвижные. Я смотрела на них, пока улица не повернула, и они не растворились в тумане.

Только тогда я заметила, что у меня дрожат руки.

— Новые жильцы, — сказала я вслух. — Первые заселившиеся. Стесняются.

Это объясняло многое. Это объясняло всё, если не думать об остальном.

Площадь возникла неожиданно. Улица расступилась, и я оказалась на круглом пятачке с клумбой посередине, на которой не росло ничего, только ровный круг земли, огороженный низким бордюром. Вокруг стояли здания побольше: двухэтажное с колоннами, похожее на дом культуры, и рядом администрация с флагштоком, на котором не было флага. Идеальное место для разворота.

Над входом в администрацию висели часы. Круглые, большие, с чёрными стрелками на белом циферблате. Я притормозила, потому что мне захотелось узнать время, просто чтобы вернуть себе ощущение, что оно существует.

Они показывали 19:02.

Я подумала: не может быть. Я вышла от Иры около семи, потом ехала по туману минут сорок, потом ещё этот съезд, посёлок, сколько я по улицам колесила. Сейчас должно быть минимум восемь, а может, и позже. Я перевела взгляд на панель, на электронные часы в углу, которые привыкла проверять машинально.

19:02.

Я смотрела на них, считая про себя до тридцати. Цифры не менялись. Ни «19:03», ни мигающего двоеточия. Двоеточие горело ровно, не мигая, как будто часы нарисовали на

панели.

— Электроника, — сказала я. — Туман, влажность, сбой. Бывает.

Голос получился ровным, и я этому почти поверила. Мышка была старой, магнитола у неё кассетная, и если что-то должно было забарахлить, то в первую очередь это. А настенные часы на здании просто никто не подключил. Посёлок новый, нежилой, здание ещё не сдано. Всё логично.

Только вот совпадение этих двух цифр я решила не рассматривать.

Я развернула Мышку на площади, плавно, в один приём, потому что места было слишком много, и остановилась носом к той улице, по которой приехала. Улица тянулась вперёд, ровная и пустая, с фонарями, терявшимися в тумане. Я посмотрела на неё и вдруг поняла, что не помню, по какой из них приехала: все четыре выглядели одинаково.

Я выбрала ту улицу, что была прямо перед капотом. Логика простая: если развернулась на площади носом туда, откуда приехала, то и ехать надо туда. Я включила дальний свет, и туман тут же подался навстречу, как вата, которую кто-то отодвинул ладонью.

Улица тянулась ровно. Заборы, палисадники, молочные занавески, и каждый четвёртый фонарь чуть ярче остальных. Я решила ориентироваться на них. «Раз, два, три, четыре». Яркий. Снова. «Раз, два, три, четыре». Яркий. В этом было что-то успокаивающее, как в считалке, и на третьем ярком

пятне я перестала бояться.

На втором перекрёстке я свернула направо, потому что помнила, что вроде бы поворачивала налево на пути сюда. Потом по прямой. Потом снова направо. Я старалась запоминать, но все дома были одинаковые, все палисадники одинаково подстрижены, и запомнить можно было только число поворотов. Три. Четыре. Пять.

Мышка тихо тарахтела, и этот звук вдруг показался мне слишком ровным, как метроном.

Когда впереди расступился туман и показалась круглая клумба, я не сразу поняла, что вижу. Бордюр, земля без травы, колонны дома культуры, флагшток без флага. Над входом в администрацию большие белые часы с чёрными стрелками.

19:02.

Я остановилась прямо на въезде. Двигатель работал, дворники продолжали скрести по стеклу, но я их почти не слышала.

— Заблудилась, — сказала я вслух. — Ну конечно. Одинаковые улицы, одинаковые дома. Свернула не туда.

Это звучало здраво. Заблудиться в новом квартале несложно, особенно в тумане, особенно если учесть, что здесь все дома как близнецы. Я даже почти засмеялась. Только вот я насчитала пять поворотов и ни разу не ехала прямо дольше, чем минуту. По моим подсчётам, я должна была выехать куда угодно, но не туда, откуда начала.

Я посмотрела на часы на торпеде. Двоеточие по-прежнему горело ровным светом, не мигая.

— Ладно, — сказала я Мышке. — Попробуем другую улицу.

Руки у меня уже не дрожали, они были мокрыми. Я вытерла ладони о джинсы по очереди, одну за другой, не отпуская руль, и поймала себя на том, что делаю это слишком старательно, как будто от чистоты ладоней зависит, куда я приеду.

Сердце стучало где-то в горле. Это было неприятно, но объяснимо: стресс, поздний час, кофеин от Ириного чая. Организм в такие моменты реагирует одинаково, это учебник физиологии, а не мистика.

— Нет, — сказала я. — Нет, нет. Так не бывает.

Мы с Ирой любили смотреть плохие фильмы ужасов, обязательно с попкорном и обязательно с комментариями. Там вечно кто-нибудь заезжал в город, из которого нельзя выехать, и мы хором кричали экрану: «Да разворачивайся ты, дурак!» Это всегда выходило смешно. Ни в одном из тех фильмов никому не приходило в голову просто взять карту и проверить.

Вот именно. Нужно действовать, а не паниковать.

Я выбрала другую улицу, ту, что уходила от площади влево, под небольшим углом, по которой, как мне казалось, мы ещё не ехали. На этот раз я решила не поворачивать вообще. Ни разу. Ехать строго прямо, как по линейке, и если улица закончится, то это будет окраина, а если окраина, то оттуда

можно выехать на трассу.

Простая, здравая идея. Я включила дальний свет и поехала.

Фонари мелькали по сторонам, ровные, одинаковые. Дома не отличались друг от друга ни цветом, ни числом окон. Я попыталась разглядывать их по-новому, выискивая отличия: сломанный забор, забытая лопата, мусорное ведро, хоть что-нибудь, за что можно зацепиться взглядом. Ничего. Всё было вымыто, подстрижено, выровнено, как макет, который собирали с помощью линейки.

Минут десять. Двенадцать. Я не смотрела на часы. Я смотрела на дорогу и на спидометр, потому что стрелка на нём упрямо показывала сорок.

А потом туман впереди снова расступился, и показалась круглая клумба, колонны дома культуры, флагшток без флага.

Я остановилась.

— Это другая площадь, — сказала я. — Тут их несколько. Это просто другая.

Над входом в администрацию висели большие круглые часы с чёрными стрелками. Они показывали 19:02.

Глава 3

Телефон лежал в подстаканнике, куда я бросила его, не глядя, когда садилась в машину. Экран потемнел, и мне пришлось сначала нажать на кнопку, а потом ещё раз, потому что с первого раза он не отреагировал. Я знала, что это просто лаг, но всё равно почувствовала, как внутри что-то сжимается.

Экран вспыхнул. Заряд шестьдесят один процент. В правом верхнем углу, где должны были стоять палочки сети, не было ничего, только маленький перечёркнутый значок. А выше, в центре, большими цифрами светилось время.

19:02.

Я смотрела на эти цифры, пока они не стали расплываться. Потом нажала на значок телефона, открыла контакты, нашла «Ира». Палец на секунду завис над зелёной кнопкой. Я нажала.

В трубке было тихо. Не гудки, не «абонент недоступен», а просто ровная пустая тишина, как будто звонок ушёл в никуда. Через пятнадцать секунд экран сообщил: «Вызов не удалён». Это было не «не удалось», а именно «не удалён», будто опечатка в слове, которое слишком сильно хотели выговорить правильно.

Я сбросила и попробовала ещё раз. Потом набрала 112. Тишина.

— Нет вышки, — сказала я вслух, чтобы услышать собственный голос. — Конечно, нет вышки. Посёлок новый, ещё не подключили. Это же очевидно.

Это действительно было очевидно. В новых посёлках первое время нет ни связи, ни магазинов, ни людей, и именно так выглядит стройка, которую вот-вот сдадут. А время на телефоне берётся из сети: нет сети, и он показывает последнее, что запомнил. Всё просто. Я просто вышла от Иры в семь, и телефон застрял на этом моменте. Всё сходится.

Я быстро набрала Ире сообщение: «Я заблудилась, не могу выехать из посёлка за объездной, связь пропала. Позвоню, когда выберусь». Нажала «отправить». Рядом с сообщением появился красный кружок с восклицательным знаком.

— Ладно, — прошептала я. — Ладно.

Я положила телефон экраном вниз на торпеду и вцепилась в руль. На площади перед администрацией по-прежнему было пусто. Фонарь над клумбой горел ровно, без тени.

Я долго сидела, глядя на руль. Потом выключила двигатель, и тишина навалилась сразу, всей тяжестью, как одеяло на голову. Я взяла ключи, сжала их в кулаке так, чтобы зубцы впились в ладонь, и открыла дверь.

Воздух был холодным и абсолютно безвкусным. Ни запаха мокрой листвы, ни дыма из труб, ни бензина. Я вдохнула глубже и поняла, что ничем не пахнет даже сама Мышка: обычно у неё в салоне стоял запах старого пластика и Ириного печенья, но сейчас я не чувствовала и этого, словно нос

выключили.

— Эй! — позвала я. — Есть кто-нибудь?

Голос ушёл в туман и не вернулся. Не было эха, которое должно отражаться от колонн и стен администрации. Он просто исчез, как камешек в вату.

Я прошла несколько шагов по площади, чувствуя, как подошвы глухо стучат по идеальному асфальту. Дом культуры стоял тёмный, с глухими окнами, колонны казались вырезанными из одного куска. Я положила ладонь на кирпичную стену здания администрации. Кирпич был холодным, гладким и совершенно сухим, хотя туман вокруг оседал на всём каплями: на моей куртке, на волосах, на капоте.

И тогда я увидела следы.

Они начинались у края площади, рядом с клумбой, и уходили к боковой улице: глубокие, чёткие отпечатки больших рабочих ботинок, влажные, с комьями настоящей грязи. Единственная грязь в этом вымытом, будто отмытом хлоркой месте. Я присела на корточки и коснулась ближайшего пальцем. Грязь была свежей, липкой, ещё не успевшей подсохнуть. Рядом тянулась тонкая борозда, как будто человек что-то волочил или сам прихрамывал.

— Рабочие, — сказала я шёпотом. — Охрана. Кто-то же должен здесь быть.

Я оглянулась. Туман стоял стеной, площадь вокруг была пуста, окна светились ровно и жёлто. Но следы тянулись по асфальту, как нитка, и в них было что-то неожиданно, неве-

роятно живое: неряшливое, несовершенное, человеческое. После всего этого идеального, застывшего порядка я готова была расплакаться от одного вида чужой грязи.

Я выпрямилась и посмотрела туда, куда они вели: в узкий проход между двумя домами, где туман был особенно густым.

Я вернулась к Мышке почти бегом, хотя бежать было некуда. Села на водительское сиденье, повернула ключ ровно настолько, чтобы загорелись фары, и подвела машину ближе, пока лучи не легли точно в узкий проход между домами. Аварийка защёлкала, и оранжевые вспышки заплясали на заборах, на кирпиче, на подстриженной траве. После часа ровного жёлтого света это было почти приятно: что-то мигало, что-то менялось.

— Ты мой маячок, — сказала я Мышке. — Стой тут и свети.

Я положила телефон в карман куртки и включила фонарик. Карман был мелковат и телефон торчал из него, как будто подглядывал. Белый луч упёрся в первый отпечаток ботинка на асфальте. Я пошла.

Проход между домами оказался уже, чем выглядел с площади. Метра два, не больше. С обеих сторон тянулись глухие кирпичные стены, одинаково светлые, одинаково гладкие, без окон на этой стороне. Туман стоял здесь плотнее, как будто проход был его постоянным жильём. Следы тянулись прямо по центру: грязные, глубокие, с неровной борозд-

дой слева. Человек, который их оставил, шёл тяжело. Я старалась ступать мимо, чтобы не затоптать.

Через полсотни шагов я остановилась и оглянулась.

Фары Мышки светили позади — два жёлтых пятна, пульсирующих оранжевым. Я прикинула расстояние и вдруг поняла, что оно не совпадает. Мне казалось, что я отошла метров на тридцать. А свет был таким, будто я ушла на сто. Он стал меньше, мягче, как лампочка в конце длинного коридора.

— Это туман, — сказала я. — Он глушит.

Я произнесла это негромко и всё равно не поверила. Но я знала, что стоять на месте глупее, чем идти. Я развернулась и пошла дальше, светя под ноги, считая шаги. Двадцать. Тридцать. Пятьдесят. Грязные отпечатки не кончались, и на одном из них, в самой глубокой вмятине, блестела свежая лужица воды, не успевшая впитаться.

Звук раздался, когда я насчитала семьдесят.

Впереди, далеко, в тумане, что-то скрипнуло. Сухо, коротко: металл по камню или подошва по гравию. Потом всё стихло. Я замерла, вслушиваясь, и поняла, что впервые за этот вечер слышу звук, который сделала не я.

Я стояла и не дышала, пока в груди не стало больно. Звук не повторился. Туман впереди был таким же плотным и безмолвным, как и позади, и следы уходили в него, не меняясь.

Окликнуть? Это была первая мысль, и я почти открыла рот. Но потом вспомнила глубокую борозду слева от отпе-

чатков. Человек, который так ходит, либо ранен, либо что-то тащит. И в том, и в другом случае у него есть причины не обрадоваться незнакомке с фонариком в такой час. В плохих фильмах героини вечно кричат «Эй, есть кто-нибудь?», и вечно им отвечают не те.

— Не сейчас, — сказала я шёпотом. — Давай не сейчас.

Я попятилась. Не развернулась, а именно попятилась, не отводя луча от прохода, и только метров через десять позволила себе повернуться спиной. Это глупо, я знаю. Но так было легче.

Дорога обратно показалась длиннее. Я считала шаги, как и в прошлый раз, и, дойдя до семидесяти, ждала, что вот-вот выйду на площадь. Не вышла. Восемьдесят. Девяносто. Сто. Свет от Мышки впереди то приближался, то будто замирал, и от этого начинала кружиться голова. На сто тридцатом шаге я наконец увидела её: дрожащие оранжевые вспышки, упёртые в туман, и сам силуэт, маленький и родной.

Сто тридцать, а не семьдесят.

Я не стала разбираться. Просто дошла, села за руль, захлопнула дверь, нажала на блокировку и только тогда выдохнула. Руки лежали на руле, и я смотрела на них, как на чужие. В салоне было тепло, пахло так же, как всегда: пластиком и немного печеньем. Я зачем-то глубоко вдохнула этот запах, и мне стало легче, аж глаза защипало.

Странно, но сейчас я вспомнила не Иру и не дом. Я вспомнила офис. Серые коридоры, одни и те же лица, одни и те

же разговоры, один и тот же вопрос, на который нет ответа: «Как у тебя дела?» Я ходила по этому лабиринту третий месяц, и никто не видел, что я давно потерялась. А тут, по крайней мере, всё честно: заблудилась, значит, заблудилась.

Фары Мышки по-прежнему светили в проход. Я не стала их выключать.

— Подождём, — сказала я. — Не ночь же ещё.

Не знаю, почему я это сказала.

И сколько я так просидела, не знаю. Часы на торпеде упорно показывали 19:02, телефон тоже, и время стало вязким, как остывший кисель. Я убавила печку, потому что от жары тянуло в сон, а засыпать было нельзя. Опустила стекло на ладонь, чтобы слышать звуки снаружи, и холод тут же потёк в салон тонкой струйкой.

Тишина стояла такая, что я начала различать звуки собственного тела: стук сердца, шорох куртки, тонкий звон в ушах. Я уже почти убедила себя, что скрип в проходе мне померещился, когда услышала это.

Шаг.

Далеко, глухо, где-то в глубине тумана. Потом пауза. Потом снова: шаг, и следом за ним что-то тянущееся, шаркающее. Шаг и волочение. Шаг и волочение. Я замерла, не отнимая рук от руля.

Те самые следы с неровной бороздой слева.

Шаги приближались, и я стала считать их, как до этого считала фонари. Раз, шарк. Два, шарк. Ритм был слишком

ровным, без единой запинки, как у записи на плёнке, и это испугало меня сильнее любой неровности. Человек так не ходит, у живого всегда есть сбой: то остановится, то вздохнёт, то оступится. А здесь всё шло по линейке, и если бы я закрыла глаза, то поверила бы, что кто-то включил метроном.

Но потом, где-то на двенадцатом или тринадцатом шаге, ритм сбился. Коротко, на долю секунды: человек споткнулся, выругался сквозь зубы, одним словом, тихо, хрипло, и я не разобрала, каким. После этого шаги пошли заново, уже не такие ровные, с едва уловимой усталой нерешительностью.

Живой. Он живой, подумала я, и ладони снова стали мокрыми, а в горле встал ком.

Я включила дальний свет, чтобы луч бил точно в проход. Фары Мышки вырвали из тумана узкую полосу асфальта, мокрую, блестящую. Шаги приближались. Я уже слышала, как грязь чавкает под тяжёлыми подошвами, как что-то глухо задевает бордюр. Десять метров. Пять.

И остановились.

Прямо на границе света, там, где жёлтый луч переходил в серую муть, было пусто. Просто туман, без силуэта. Но шаги замерли, и я чувствовала, что он стоит там, совсем рядом, и слушает меня так же внимательно, как я слушала его.

Рука сама легла на блокировку дверей и сжала её, хотя замки и так были закрыты.

Глава 4

— Не выключай.

Голос пришёл из тумана, хриплый, надтреснутый, как у человека, который давно не разговаривал вслух. Я вздрогнула так, что ударилась коленом о руль.

— Фары, — сказал он. — Пожалуйста, не выключай фары.

Я ничего не ответила. Горло пересохло, слова застряли где-то на уровне ключиц. Пальцы всё ещё лежали на блокировке дверей, и я поймала себя на том, что нажимаю на неё снова и снова, хотя она была давно опущена.

— Я не причиню вреда, — продолжил голос, и в нём было что-то странное: не угроза, а усталая осторожность, как у человека, который разговаривает с птицей, боясь её спугнуть. — Я просто хочу посмотреть. Можно?

— Покажись, — выдавила я. Голос сорвался и прозвучал тоньше, чем хотелось. — Выйди на свет. Медленно.

Туман дрогнул. Из серой мути, прямо на границе луча, выступила фигура. Сначала только контур, потом куртка, потом лицо. Мужчина лет тридцати пяти, а может, сорока: трудно было сказать из-за щетины и грязи. Рабочая куртка, когда-то оранжевая, выцветшая до цвета старой ржавчины. Штаны вымазаны глиной до колен. Он стоял, чуть склонившись набок и перенеся вес на правую ногу, левая была неловко вытянута, как у человека, которого ещё не отпустила боль.

Глаза у него были красные, воспалённые, но живые. Это я почувствовала сразу: в них было то неприятное, неуклюжее человеческое выражение, которого не было ни у женщины на остановке, ни у её ребёнка. Он смотрел на меня так, как смотрят на воду в пустыне.

— Господи, — сказал он тихо. — Ты настоящая.

— А ты? — спросила я.

Он усмехнулся. Не весело, а как-то надломленно, одним уголком рта.

— Не знаю. Подожди.

Он поднял руку и потёр лоб, будто пытаясь стереть что-то, что мешало думать.

— Меня зовут… — начал он и замолчал.

Пауза затянулась. Я видела, как по его лицу прошла тень, сначала растерянность, потом страх, такой чистый и такой голый, что мне стало неловко смотреть.

— Подожди, — повторил он шёпотом. — Сейчас. Оно было совсем рядом. Минуту назад.

Я не открыла дверь. Даже не потянулась к ручке. Какая-то часть меня, та, что всё ещё была взрослой, осторожной женщиной с кредитом и страховкой, кричала: нельзя. Ни при каких обстоятельствах. Незнакомец в тумане, грязный, хромой, потерявший собственное имя. Если бы такую сцену показали в кино, я бы сама крикнула героине: «Не открывай!»

Стекло было опущено всего на ладонь. Я оставила так.

— Стой, где стоишь, — сказала я. — Ближе не подходи.

— Правильно, — тихо ответил он. — Не открывай. Я бы тоже не открыл.

Он не сделал ни шага. Только поднял обе руки ладонями вперёд, медленно, как показывают, что ничего не прячут. Ладони были чёрные от грязи, с содранной кожей на костяшках. Он смотрел на меня сквозь щель, и я заметила, что он не пытается заглянуть в салон, не шарит глазами по сиденьям, не оценивает. Он смотрел только мне в лицо, жадно и внимательно, как смотрят на что-то, что боятся потерять.

— Как давно ты здесь? — спросила я.

— Четвёртый день. Или пятый. — Он потёр лоб. — Я считал по ночам, но потом сбился. Здесь трудно считать.

— Четыре дня, — повторила я, и слова показались мне нелепыми. — А я приехала час назад.

— Знаю, — сказал он. — Видел свет.

— Как ты сюда попал?

Он помолчал. Потом усмехнулся тем же надломленным уголком рта.

— Так же, как и ты. Туман, дорога, съезд, которого там не должно быть.

У меня внутри всё оборвалось. Я не говорила ему про съезд.

— Откуда ты знаешь про съезд? — тихо спросила я.

— Потому что он единственный. — Он опустил руки. — Все сюда попадают через него. Те, что попадают.

Я хотела спросить, сколько их было, но не спросила. Вме-

сто этого я вцепилась в руль и сказала самое разумное, что пришло в голову:

— Здесь есть выход?

Он посмотрел куда-то мимо меня, в туман, и лицо у него стало очень усталым.

— Скоро ночь, — сказал он. — Тебе лучше не быть одной, когда она начнётся.

Он сел прямо на асфальт, на границе света, кряхтя и придерживая левую ногу двумя руками, как чужую. От него пахло. Потом, сырой землёй, дешёвыми сигаретами. Это был первый запах за весь вечер, и я поймала себя на том, что вдыхаю его через щель, как дура.

— Ты не поверишь, — сказал он.

Он сидел и смотрел на меня снизу вверх, прищурившись от фар.

— Нет, серьёзно. Я сам бы не поверил. Я дорожник, понимаешь. Был. Мастер на участке, двадцать с лишним лет на этой трассе. Асфальт клал, ямы латал, разметку подновлял. — Он коротко усмехнулся. — Каждый километр знаю. Каждую трещину. Мне за эти года чего только не рассказывали: и про призраков на сорок втором километре, и про дальнобоя, который по ночам с фарами выключенными ездил, и про девку в белом. Я всё это слушал и думал: ну-ну, мужики, меньше надо в смену пить. А теперь вот сам сижу.

Он засмеялся, коротко и хрипло, и закашлялся, и я вдруг поняла, что он смеётся не мне, а просто потому, что давно

не смеялся.

Я приоткрыла стекло шире, чем собиралась, потому что орать через щель было глупо.

— Подожди. Ты кто?

— Дорожник, — повторил он. — Мастер участка. — Он ткнул большим пальцем себе за плечо, куда-то в туман. — И я точно знаю, что того съезда нет! Я ж говорю, я эту трассу как свой карман знаю, и вдруг щит. Ты видела щит?

— Видела.

— Чистый такой. Ни ржавчины, ни помёта птичьего. Таких щитов вообще не бывает, они ж вечно устряпаны! А этот как вчера повесили! А, кстати, как тебя?

— Аня.

— Аня. — Он кивнул, как будто аккуратно сложил имя в карман. — Хорошее. Короткое, не потеряешь.

— Ладно, — сказал он. — Короче. Я вообще не маньяк, если что. Маньяки обычно чище. — Он глянул на свои ладони и поморщился, затем потёр левую руку большим пальцем правой, у основания большого пальца, там, где на тыльной стороне кожа была слишком гладкой, и тут же убрал, будто поймал себя на чём-то... — Извини, я как радио: включили, и не выключишь. Пять дней ни с кем. Хотя нет, четыре. Или десять, кто его тут разберёт. Ты тут сколько? Час? Вот, а я уже как будто целую жизнь здесь прожил.

— А с кем ты разговаривал?

— Да ни с кем. С собой. Это не считается, сам себя пере-

биваешь, и вообще. — Он втянул воздух носом, коротко, по-звериному, и вдруг замер. — Слушай. У тебя там что, печенье?

— Что?

— Печенье, ага. С орееехами. — Он закрыл глаза и улыбнулся. — Погоди. Не говори пока ничего. Дай мне секунду.

Я не знала, куда смотреть. Через щель в салон ползли запахи улицы: сырость, земля, дешёвые сигареты, от него. Он сидел с закрытыми глазами, и лицо у него было как у человека, который слушает музыку из соседней квартиры.

— Подруга испекла, — сказала я. — Подгорело чуть.

— Подгоревшее самое вкусное. Я от мамы ехал. Она мне баурсаков в дорогу дала. Полный пакет, как будто в армию. Я их тут растянул на два дня, а потом доел и сам себя ругал, что не съел сразу, на второй день они к ночи стали безвкусные, как будто пластиковые. Дурак. Ладно, не об этом. — Он открыл глаза и посмотрел вдруг цепко, по-рабочему. — Я пока про асфальт не рассказал. Это важно. Он здесь, кстати, свежий. Этого года. Я такой сам стелил на объездной, знаю, как он пахнет и как отзывается под ботинком. А тут пахнет... ничем.

Он поднял на меня глаза. Они были красными от недосыпа, но взгляд оставался твёрдым.

— Я сначала и не понял, что не так. А в одну ночь я пяткой постучал у бордюра. И понял: звук-то как по крышке погреба! Я нож достал, поддел край, а там корка в два пальца и

всё. Под ней нет ничего. Ни щебёнки, ни песка. Я на дорогах двадцать два года, Аня, так не бывает.

— Я не пугаю. Просто лучше знать. Хотя... ты пока всё равно ещё не поверишь.

Я опустила руку в карман куртки и нащупала пакет с печеньем, который Ира всё-таки сунула мне в дорогу, пока я натягивала ботинки. Мы всегда так делали, этакое продолжение вечера, частичка тепла с собой.

Вот тогда я и решилась. Не потому, что поверила ему, просто выдержать эту тишину в запертой машине было труднее, чем сидеть рядом с мужиком, который пахнет землёй и, кажется, немного сошёл с ума.

— Не вставай, — сказала я.

— Я и не собирался. — Он усмехнулся. — У меня нога только за, чтоб не вставать.

Я заглушила двигатель, фары оставила, а ключи от квартиры сжала в кулаке так, чтобы торчал самый длинный зубец. Дверь открылась с обычным скрипом. Воздух снаружи ударил по лицу: холодный, пустой, без запаха. Я обошла Мышку и остановилась в трёх шагах от него, в круге света.

Сесть на асфальт оказалось неожиданно сложно. Он был чистый, как пол в больнице, и мне почему-то было неловко его пачкать. Я села, подтянув колени, на расстоянии вытянутой руки. Не ближе.

— Аня, — сказала я зачем-то ещё раз.

— Ануар. — Он вытер ладонь о штанину и показал: —

Руку не дам, грязная.

— Я заметила.

— Ну вот. Хоть кто-то замечает.

Я достала пакетик. Бумага зашуршала так громко, что мы оба вздрогнули. Печенье внутри было немного раскрошившееся, чуть темнее по краям, с выступающими орешками. Я вытащила одно и протянула ему.

Он не взял сразу. Смотрел на него, как на что-то, что можно неосторожным движением спугнуть. Потом осторожно, двумя пальцами, принял, и я заметила, что у него дрожат пальцы. Совсем чуть-чуть.

— Овсяное, — сказал он, понюхав. — Точно.

— Ну да.

— Ты не думай, я не… — Он махнул рукой. — Просто у меня тут последние дни всё как будто картонное. Что ем, что пью. Нормально, а вкуса нет. Как в ковид, помнишь?

Он откусил. Прожевал медленно, с каким-то усилием, глядя в одну точку. Я ждала, что он скажет что-нибудь, а он молчал так долго, что я забеспокоилась.

— Вкусно, — наконец сказал он. И добавил, без паузы, будто это была одна мысль: — Подгорело как надо.

Я рассмеялась. Не специально, само вышло: коротко, нервно, с каким-то всхлипом на вдохе. И он тоже, тихо, в кулак, пряча лицо.

— Ешь, — сказала я и протянула пакетик. — Бери сколько хочешь. Мне всё равно столько не съесть.

— Нет. Давай по штуке. — Он посмотрел на меня. — Растянем.

Я кивнула. Мы сидели на чистом асфальте под светом чужих фонарей и грызли печенье, которое испекла моя подруга в другой жизни, там, где ещё шёл вечер и в чайнике закипала вода.

Мы доели по печенью и ещё по одному, «последнему», потом договорились, что последнее было предпоследним. Крошки Ануар аккуратно стряхнул себе в ладонь и отправил в рот, и я сделала вид, что не заметила.

— У подруги кот есть? — спросил он. — Ты сказала «подруга испекла», а про кота не сказала, а кто печенье печёт без кота?

— Два. Мейн-куны. Бублик и Тихон.

— Это которые с кисточками на ушах?

— Ага. Бублик на меня смотрит как на должницу. А Тихон роняет вещи и не признаётся.

— У мамы во дворе тоже кошка живёт. — Он потёр небритый подбородок. — Не её, подъездная. Мама ей по утрам варёную рыбу таскает с балкона, на верёвочке спускает. Я говорю: ма, ты шейку бедра сломала, какая рыба? А она: так не ходить же. Придумала. Мужики-соседи уже посмеиваются.

Я улыбнулась и вдруг заметила, что давно не улыбалась. Не вежливо, а по-настоящему, так, что скулам стало непривычно.

— А ты сама чем? — спросил он. — По профессии. Я-то про себя с самого начала всё вывалил, как этот, радио.

— Да ничем интересным.

— Не ври. Ты как-то сказала это не так.

Я молчала секунду. Потом, не глядя на него, ответила:

— На работе уже три месяца всё плохо. Не катастрофа, меня не увольняют. Просто… каждый день какая-то новая яма. Я одну закрою, а там уже следующая. Устала латать.

Ануар хмыкнул.

— Знаешь, как у нас говорят? Если яма на одном и том же месте возвращается каждый раз, значит, не яму надо латать. Основание смотреть. Что-то там внизу ушло.

— Это ты сейчас о моей работе или об асфальте?

— О чём угодно, — сказал он. — Асфальт, он везде одинаковый.

Я посмотрела на него, на небритое усталое лицо, на грязные руки, и подумала, что вот так просто, без «ах, как мне жаль», без советов из интернета, мне за три месяца никто не сказал ни одной фразы.

— Может, и правда основание, — сказала я.

— Вот. А ты думала: ты слабая. А ты просто на плохом основании строила.

Мы замолчали. Туман стоял вокруг ровно, как раньше. Окна в домах светили жёлтым, неподвижным светом, тем же, что и час назад. Или два. Или пять.

— Ануар, — сказала я. — А они всегда горят?

— Пока не ночь, — ответил он тихо. — Потом увидишь.

— У нас во дворе собака жила, — сказал Ануар. — В детстве. Серая такая, с одним ухом, второе ей в драке оторвали. Мы её Шариком звали, вроде, потому что дворовую собаку как ещё назовёшь. Я ей колбасу таскал из холодильника. Мама ругалась, я говорил, что это не я.

Он замолчал.

— И что? — спросила я.

— Ухо помню. Колбасу помню. Как она хвостом по бордюру стучала, помню. А как звали, нет. Я тут её четвёртый день зову по-разному. Вчера думал: Бобик. Позавчера: Ральф. Какой Ральф, у нас в посёлке какие Ральфы? — Он усмехнулся, но глаза не улыбались. — Вот так оно и идёт. Не как в кино, не сразу. Сначала шрам. Потом какая-то собака. Потом школьный друг, у меня лучший друг был, Ержан, или Ерлан… вот опять.

— Ты просто устал.

— Я устал, да. Только устаю я как все, а забываю не как все. Ты вот забудешь, как с утра чай пила, и тебе не страшно. А я забываю то, что забывать нельзя. И знаешь, что хуже? Мне с каждым разом всё больше всё равно. Вот это по-настоящему плохо.

Фонарь над нами гудел ровно, без треска. Я обхватила колени руками.

— Ночью, — начала я. — Что с ночью?

— Ночью они двигаются. — Он повёл подбородком в сто-

рону домов. — Стены. Ты не видела? Нет, ты не видела, ты же днём приехала, то есть вечером. Они сначала просто стоят, а потом, ближе к полуночи, начинают: тихо-тихо, как будто кто-то мебель переставляет в соседней квартире. Улицы другие утром. Дома те же, а улицы другие. Я первую ночь в подъезде пересидел, думал, что дом надёжнее. Утром выхожу, а двери нет. Стена. Я в нём сутки наверное блуждал, комнаты без выходов, лестницы, которые в потолок упираются. Нашёл выход случайно, в третьей по счёту пустой комнате, там вообще пол кончился, а под ним белое такое…

Он перевёл дыхание.

— Ладно. Это потом. Я вот про что. На вторую ночь, когда я совсем уже… Я стал рассказывать. Вслух. Сам себе. Что вспоминал, то и говорил: про маму, про школу, про то, как в армии картошку чистил. Не самое главное, мелочи. Какого цвета был чайник у бабушки. Как пахло в раздевалке. И понял: пока говорю, я жив. Пока слышу голос, свой голос, помню. А как замолчу, опять всё начинает стираться.

— Значит, надо просто говорить?

— Не знаю, — сказал он. — Мне помогало. Не сильно, но помогало. Я больше ничего не придумал, понимаешь? Я же не учёный, я дорожник. Что под руку подвернулось, то и пробовал.

— А про себя, молча?

— Молча быстро уплывает. — Он поскрёб щетину. — Я ещё заметил, что про армию рассказывал, как про кино: пом-

ню, как рассказывал, а самой армии как будто и не было. А чайник бабушкин остался. Жёлтый, эмаль у носика отбита. Мелочь вроде, а держится.

Я хотела ответить, но свет мигнул.

Не фонарь. Окна. Они гасли не подряд, а как будто кто-то шёл вдоль улицы и щёлкал выключателями. Одно, второе, четвёртое. Тёплое жёлтое пятно ещё секунду висело в тумане и растворялось. Фонарь над нами продолжал гудеть, но свет стал плоским, как на дешёвой фотографии.

Под ногами что-то отозвалось. Не дрожь, а глухой ровный гул, как в пустой бочке, по которой водят рукой. Я вспомнила его слова про корку в два пальца и поджала ноги.

— Ануар…

— Я здесь.

Мне вдруг захотелось позвонить Ире. Просто сказать, что доехала, пусть соврать, чтобы она не волновалась. Я сунула руку в карман, и пальцы сами набрали на воздухе её номер, как набирали десять лет, на ощупь, без глаз. Первые цифры. Потом вторые. А потом…

Ничего.

Я смотрела на свою ладонь. Цифр не было. Я знала, что их одиннадцать, знала, что они начинаются с семёрки, и всё. Остальное будто стёрли ластиком, аккуратно, не оставив даже следа от карандаша.

— Я не помню номер Иры, — сказала я. Голос вышел тонким и очень спокойным, и это было страшнее всего. — Ану-

ар, я не помню её номер.

— Эй. Эй, Аня.

Он подвинулся ближе, я услышала, как он зашипел сквозь зубы от боли в ноге.

— Говори что-нибудь, — сказал он. — Сейчас. Про неё. Любую ерунду, какая в голову придёт.

— Мы дружим пятнадцать лет, — начала я. — С универа. Она всегда…

Слова выходили гладкие, правильные, и ни одно не цеплялось. «Пятнадцать лет», «с универа», «всегда». Они звучали как строчки из чужой анкеты. Я слышала их и не могла вспомнить, каково это было.

— Не так, — сказал Ануар. — Мельче. Как тот чайник.

Я зажмурилась.

— Ира печёт печенье и забывает про таймер, — сказала я. — Поэтому у него всегда подгорают края. Она кладёт орехов втрое больше, чем в рецепте, потому что считает, что рецепт жадничает. У неё на кухне лампа с жёлтым абажуром, и когда её включаешь, она чуть жужжит, и Бублик ненавидит этот звук. Он уходит под стол и смотрит оттуда на лампу, как на врага.

Я не заметила, когда мои пальцы сжали что-то тёплое. Это была его рука. Широкая, шершавая, с ободранными костяшками. Она не держала меня, просто лежала поверх, не давя, как перила. Я не помнила, кто кого взял первым.

— Вот, — тихо сказал Ануар. — Ещё.

Глава 5

— Давай-ка в машину, — сказал Ануар. — Тут мы как на ладони. Не знаю, что с нами сделает посёлок, пока мы тут сидим, но в железной коробке мне как-то спокойнее.

— Это не железная коробка, это Мышка.

— Прости, Мышка.

Я попыталась встать и поняла, что руки разжимать не хочу. Это было глупо и унизительно, но стоило пальцам соскользнуть с его ладони, как в голове что-то дёрнулось, как при пропущенной ступеньке. Я остановилась, уже наполовину поднявшись.

— Что?

— Подожди. — Я нахмурилась. — Второго кота. Как его… Бублик и… Я помню, что он что-то роняет. И не признаётся.

— Тихон, — сказал Ануар.

Я посмотрела на него. Он смотрел на меня спокойно и немного виновато, как человек, который знает ответ на вопрос, на который не должен знать ответ.

— Ты сама сказала. Минуту назад. «Роняет вещи и не признаётся».

— Да, — выдохнула я с облегчением. — Тихон.

Мы не стали это обсуждать. Он взял меня за запястье, как берёт врач, коротко и по делу, и мы пошли к машине: я впе-

реди, он следом, хромая и озираясь на гаснущие за спиной окна. Его рука оказалась тяжёлой, как мешок с цементом, и горячей, и от него пахло так, что я теперь не отвернулась бы и под угрозой смерти. Дверь пассажирского сиденья открылась с обычным скрипом. Он сел, поморщившись, вытянул ногу в салон, насколько позволяла приборная панель, и сказал:

— Ты не обращай внимания на запах. Я знаю.

— Мне всё равно.

— Это хорошо. — Он потёр лицо. — Потому что мне тоже.

Я села за руль и захлопнула дверь. Мир снаружи сразу стал глуше, как всегда в Мышке. Печка давно остыла, но стёкла уже запотевали от нашего дыхания, и это было приятно: дыхание, пар, живое. Я нашла его руку на подлокотнике, ни слова не говоря, и он не стал ничего говорить тоже.

— Фары убавь, — сказал он минуту спустя. — Аккумулятор посадишь. Оставь габариты.

— А если…

— Оставь габариты. Тут и так светлее, чем нужно.

Я повернула ручку. Дальний свет погас, и туман обступил машину плотнее. В боковом зеркале мелькнул красный огонёк габарита и растаял в серой влаге. Фонарь на площади дрожал где-то вдали, как свеча на сквозняке.

Сквозь запотевшее стекло я видела ближайший дом. Свет в нём уже не горел. Он стоял чёрный, тихий, обыкновенный,

и пока я смотрела, его угол, тот, что был ближе к нам, медленно, почти незаметно подался в сторону. Не рухнул, не накренился: просто сдвинулся, как кубик на столе, который толкнули пальцем.

Ануар тихо присвистнул.

— Началось, — сказал он.

Снаружи заскрежетало, не громко и не резко, а долго, на одной ноте, как будто по асфальту тащили тяжёлый шкаф. Я вздрогнула. Ануар сжал мою руку.

— Не смотри, — сказал он. — Смотреть полезно, но не всё время. Давай лучше ты. Что-нибудь мелкое.

— Что именно?

— Какая разница. Что вспомнится.

Я прикрыла глаза. За веками плыло что-то белое, как туман, и ничего не вспоминалось: ни Ира, ни дом, ни работа. Я открыла рот и вдруг сказала:

— Я в детстве ела мыло.

Пауза. Потом он хмыкнул:

— Чего?

— Земляничное. Мне было лет пять. Бабушка купила в киоске такое, розовое, с картинкой, и пахло оно как варенье. Я откусила кусочек, чтобы проверить. Оказалось, нет. Пена пошла изо рта, бабушка перепугалась, потом смеялась, потом снова перепугалась. Вызвала врача на дом, он сказал: «Ничего страшного, у нас каждый год таких любопытных пробовальщиков с десяток». И ушёл, а мы ещё долго сидели

и ржали.

Скрежет снаружи на секунду затих, будто прислушивался.

— Ещё, — сказал Ануар.

— Я боюсь туннелей. Не любых, а длинных, где нет света в конце. Я их проезжаю, задержав дыхание, и считаю секунды. Ира знает, она поэтому всегда садится за руль на выезде из города, потому что там один туннель. — Я сглотнула. — Я левый носок надеваю первым. Всегда. Иначе весь день как-то криво. И я не умею есть арбуз, не наклонившись над раковиной, а все вокруг делают вид, что это нормально.

— Нормально, — сказал он. — Я тоже.

— Врёшь.

— Нет. Мне мама в детстве говорила: «Арбуз надо есть в тазике». Так и привык.

Мы одновременно коротко засмеялись, и я поймала себя на том, что за последние полчаса ни разу не посмотрела на часы.

— Теперь ты, — сказала я.

Он помолчал. В боковом окне по запотевшему стеклу медленно ползла капля. Где-то рядом глухо стукнуло, будто упал шкаф, но не здесь, а этажом выше.

— Шрам, — сказал он наконец. — Тот, что был. Про него расскажу.

— Давай.

— Мне было шестнадцать. Лето, у дяди в гараже. Мы пилили доску на заднем дворе, дядя Ерболат, он тогда ещё жив

был. Я пилил, а он что-то мне рассказывал, не помню что, смеялся. Я отвлёкся. Пила соскочила, пошла по руке, вот здесь, — он поднял левую ладонь и провёл большим пальцем по гладкой коже у основания большого пальца. — Не больно было. Сперва вообще. Только тепло потекло. Дядя посмотрел, сказал: «Ну, джигит, теперь у тебя есть история». Перевязал майкой, мы пошли пить чай. Мама потом ругалась три дня. Шрам был длинный, белёсый, я его в школе показывал, как медаль.

Он замолчал и сжал мою руку чуть сильнее.

— Я его помню, — сказал он. — Пока рассказывал. Вот прямо сейчас помню.

— Он был с этой стороны, — сказала я. Я взяла его левую ладонь в свою и провела пальцем по тому месту, где кожа была гладкой. — Длинный. Белый. Пила. Дядя Ерболат. Чай. Майка.

Он не сразу ответил.

— Ты запомнила.

— Конечно, запомнила, — сказала я. — Ты же мне рассказал.

Снаружи что-то огромное медленно проползло мимо машины, и в боковом стекле на секунду потемнело, как при затмении. Мы оба замерли. Потом всё стихло, и он тихо выдохнул.

— Ещё, Аня.

— Ещё, — повторил он. — Про работу давай. Ты вечером

ни слова не сказала, только «плохо».

— Это скучно.

— Нам нечем быть занятыми, кроме скуки. Давай.

Я посмотрела на запотевшее стекло, на красную точку габарита, расплывшуюся в нём, и поняла, что с чего начать, не знаю. Всё, что приходило в голову, было огромным и бесформенным: «три месяца», «новый начальник», «всё развалилось». Слова звучали правильно и совсем ничего не весили.

— Мельче, — подсказал Ануар. — Как чайник.

— Хорошо. — Я потёрла лоб. — У нас на этаже кулер. Нормальный, на двадцать литров, и каждый месяц он стоит в новом месте. Не потому что его двигают, а потому что двигают всё остальное. Новый начальник решил, что нам нужно «динамичное пространство». Каждый месяц перегородки переставляют, столы меняют местами. Я за три месяца сменила четыре места. В третий раз пришла в понедельник и пошла к своему столу, а там сидит человек из бухгалтерии, а мой стол уже у принтера.

— У принтера плохо?

— У принтера ужасно. Он вечно зажёвывает бумагу, и все приходят ко мне, потому что я рядом, и спрашивают: «Ты не знаешь, как его открывать?» Я не знала. Но уже научилась.

Ануар тихо хмыкнул.

— Начальника как зовут?

— Рустем Маратович. Он носит жёлтые носки. Я не шучу.

Каждый день разные жёлтые носки: лимонные, горчичные, в горошек. И когда он с тобой разговаривает, то смотрит куда-то над твоим плечом, как будто там висит табло с цифрами. Я пытаюсь понять, что на нём написано. Наверное, мой рейтинг.

— А ты что?

— А я молчу. Раз в день хожу к нему на планёрку в девять, сижу и молчу. Не потому что нечего сказать. А потому что любое слово потом вернётся мне новой «ямой». Я уже научилась не говорить лишнего. Сначала это казалось мудростью. Теперь кажется, что я просто пропала. — Я замолчала. — У меня в нижнем ящике стола чай. Три вида. Я его заваривала всегда, когда было совсем плохо. Теперь стол у принтера, ящик заедает, и я не заваривала чай с августа.

Я не заметила, как заговорила тише. Ануар слушал, не перебивая, не кивая на каждом слове, как это делают, когда хотят показать участие. Он просто сидел рядом и держал мою руку, и от его молчания не становилось ни легче, ни тяжелее, а как-то ровнее.

— Рустем Маратович, — повторил он тихо. — Жёлтые носки. Перегородки. Принтер. Чай в нижнем ящике, три вида, с августа не заваривала.

Я повернулась к нему.

— Ты запомнил.

— Конечно. Ты же мне рассказала.

Я хотела сказать что-то ещё. Что мне давно никто не по-

вторял моих слов так, чтобы они возвращались целыми. Но не сказала. Снаружи скрежет затих, и в этой паузе я услышала собственное дыхание.

— Всё, — сказала я. — Хватит обо мне. Теперь ты. Давай про твою работу. Ты как вообще в дорожники попал?

— А. — Он усмехнулся в темноте. — Долго рассказывать.

— Ну так и мы не торопимся, у нас вся ночь впереди.

— Это да. — Он поёрзал, устраивая ногу. — Мне семнадцать, школа кончилась, в институт не прошёл, дома сидеть стыдно. Дядя Ерболат к тому времени уже умер, а у него друг был, бригадир на ремонте трассы. Пойдёшь, говорит, подсобным, сто пятьдесят в день, обед за счёт конторы. Я пошёл. Думал, дорожники это те, кто стоит, курит и смотрит, как другие копают.

— А оказалось?

— Оказалось, что курить некогда. Первым делом мне дали лопату и сказали: «Вон та яма, закопай». Я закопал. «Теперь вон та». Я закопал. К обеду у меня руки отваливались, а мастер, Семёныч, старый такой, в панаме, вдруг смотрит на мою яму и говорит: «Плохо закопал». Я говорю: почему? Он: «Потому что сверху ровно, а внутри пустоты. Через месяц просядет». И заставил откопать и сделать заново. Утрамбовывать, слоями.

Он помолчал.

— Знаешь, чем пахнет асфальт, когда его только положили? Утром, в шесть, на холоде, пар идёт? Битум этот, горя-

чий, чёрный, чуть сладкий? Я до сих пор не могу, понимаешь. Самый лучший запах на свете. Мне жена потом смеялась… то есть, не жена. Просто одна. Говорила, ты как наркоман. — Он вдруг замолчал, и я почувствовала, как его рука дёрнулась. — Подожди. Это не туда. Я не про неё.

— Ничего. Не про неё, так не про неё.

— Ладно. — Он выдохнул. — В общем, Семёныч меня и вырастил. Всему научил: как катком работать, как щебёнку подбирать, как не пускать воду под полотно. Говорил: «Дорога, Ануарчик, она не там, где асфальт, а там, где основание. Хорошее основание, значит, сто лет простоит. Плохое, зальёшь хоть золотом, а через год всё едино – развалится».

— Про основание ты мне уже говорил.

— Говорил, да. Это у меня навязчивое, прости.

Я улыбнулась в темноту. Снаружи что-то снова проползло, скрипнув, как огромная дверь.

— А потом был ещё один человек, — продолжил он. — Серёга, геодезист. Очкастый такой, худой, всё с рейкой бегал. Мы с ним на одном участке три сезона. Он мне как-то про карты рассказал. Это я сейчас вспомнил, видишь, как оно, тянет за ниточку. Он говорил: настоящая карта всегда с враньём. Нарисуют где-нибудь улочку, которой нет. Или городишко, которого нет. Нарочно. Чтобы если кто срисует, сразу видно: ага, украл. Это у них вроде подписи.

Я перестала дышать.

— Он рассказывал, что где-то в Америке так нарисовали

деревню, ну, название придумали, пару домов. А потом люди по этой карте поехали, и построили там магазин. И деревня появилась. Настоящая. Ты чего?

— Ануар, — сказала я. — А если это она?

— Кто?

— Эта улица. Этот посёлок. Он… нарисован. На какой-то карте. Нарочно. Как подпись.

В салоне стало очень тихо. Даже скрежет за окном будто отступил на шаг.

— Серёга ещё говорил, — медленно произнёс Ануар, — что у любой карты, у любой съёмки есть точка. Нулевая. Откуда всё начинают мерить. Если что-то нарисовано ложно, то и начало у него есть. Где-то. Где его рисовали.

— Значит, его можно найти.

— Значит, можно.

Мы сидели, не двигаясь. Потом он сжал мою руку чуть крепче, и я почувствовала в этом пожатии что-то новое, не страх, а злое упрямство.

— Утром, — сказал он. — Когда стены встанут. Пойдём искать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.